

(1) Всякое искусство открывает тайны, и всякое в своём совершенстве непременно пленительно. (2) Дело художника - выразить своё видение мира, и другой цели оно не имеет. (3) Но таков таинственный закон искусства, что видение во вне выражается тем гармоничнее, чем оно само в себе своеобразнее и глубже. (4) Здесь, в отличие от мира вещественного, внешняя прелесть есть безошибочный признак внутренней правды и силы. (5) Пленительность искусства — та гладкая, блестящая, переливающаяся радугой ледяная кора, которую как бы остывает огненная лава души художника, соприкасаясь с наружным воздухом, с явью.

(6) Эта внешняя пленительность искусства необыкновенно важна: она играет в духовном мире ту же роль, какую в растительном царстве играет яркая окраска цветка, манящая насекомых, которым предназначено разносить цветочную пыль. (7) Певучесть формы привлекает внимание людей, ещё не зная, какая ценность скрыта в художественном создании, люди безотчетно влекутся к нему и воспринимают его ради его внешних чар. (8) Но вместе с тем блестящая ледяная кора скрывает от них глубину, делает её недоступной; в этом — мудрая хитрость природы. (9) Красота — приманка, но красота и преграда. (10) Прекрасная форма искусства всех манит явным соблазном. (11) Поистине красота никого не обманет; но слабое внимание она поглощает целиком, для слабого взора она непрозрачна: он осуждён тешиться ею одной. (12) Лишь взор напряжённый и острый проникает в неё и видит глубины, тем глубже, чем сам он острее. (13) Искусство даёт каждому вкушать по силам его: одному всю свою истину, потому что он созрел, другому — часть, а третьему показывает лишь блеск её, прелесть формы, для того чтобы огнепалая истина, войдя в неокрепшую душу, не обожгла её смертельно и не разрушила её молодых тканей.

(14) Так и поэзия Пушкина таит в себе глубокие откровения, но толпа легко скользит по ней, радуясь её гладкости и блеску, упиваясь без мысли музыкой стихов, чёткостью и красочностью образов. (15) Только теперь мы начинаем видеть эти глубины подо льдом и учимся познавать мудрость Пушкина сквозь ослепительное сверкание его красоты.

(16) В науке разум познаёт лишь отдельные ряды явлений, но есть у человека и другое знание, целостное, потому что целостна самая личность его. (17) И это высшее знание присуще всем без изъятия, во всех полное и в каждом иное. (18) Это целостное видение мира несознаваемо реально в каждой душе и властно определяет её бытие в желаниях и оценках. (19) Оно также плод опыта. (20) Между людьми нет ни одного, кто не носил бы в себе своего, неповторимого видения Вселенной, как бы тайнописи вещей. (21) И не знаем, что оно есть в нас, не умеем видеть, как оно чудным узором выступает в наших разрозненных суждениях и поступках. (22) Лишь изредка и на мгновение озарит человека его личная истина, горящая в нём потаённо, и снова пропадёт в глубине. (23) Только избранныкам дано длительно созерцать своё видение, хотя бы частично, в обрывках целого; и это зрелище опьяняет их такой радостью, что они как бы в бреду спешат поведать о нём всему свету. (24) Оно не изображается в понятиях; о нём можно рассказать только бессвязно, образами. (25) И Пушкин в образах передал нам своё знание; в образах оно тепло укрыто и приятно на вид. (26) Я же вынимаю его из образов и знаю, что, вынесенное на дневной свет, оно покажется странным, а может быть и невероятным.

(По М. Гершензону)